

И ПРИШЛО ВРЕМЯ ЖАТВЫ...

В ОСНОВУ ФИЛЬМА ЛЕГ РАССКАЗ БАБУШКИ ТОСИ В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

На завершившемся в минувшее воскресенье XXVI Московском международном кинофестивале одним из безусловных фаворитов был дебютный фильм Мариной Разбежкиной «Время жатвы». В число главных призеров он не попал, но был удостоен достаточно авторитетного приза Международной федерации кинокритиков – ФИПРЕССИ...

– Прежде всего, Марина, хочу признаться в любви к вашему фильму...

– Спасибо.

– Конечно, вы могли рассчитывать и на другие призы. И все же, что для вас значит награда кинокритиков?

– На самом деле награды для меня значат не так уж и много. Я достаточно взрослым человеком пришла в кинематограф и знаю цену наградам. Приятно, конечно, когда тебя высоко оценивают, и я всегда за это благодарна, но вовсе не погибаю, когда этого не происходит. Продолжаю работать.

– Почему только теперь вы взялись за игровое кино? По моим ощущениям, вы давно уже были к этому готовы.

– Вообще-то я все эти годы не домашним хозяйством занималась. Я сделала около тридцати документальных фильмов. Когда пришло время и мне захотелось высказаться в другом жанре, я взялась за игровое кино. Так я живу – если мне что-то хочется делать, я это делаю. И так вышло, что я подошла к игровому кино только в сорок лет. Более того, считаю, что мне повезло, когда меня в конце 70-х дважды не приняли во ВГИК, – я поступала на

режиссерский факультет. Сначала на документальное кино, затем – на игровое. Если бы поступила, то сегодня наверняка сошла бы с дистанции. Нельзя начинать жить в кино с детства – это безобразие и для кинематографа, и для самого человека. Человек должен прийти в кино созревшим, как бы рассердившимся на эту жизнь. Или полюбившим эту жизнь. Но не щенком. Поэтому считаю, что пришла в игровое кино вовремя.

– Что этому предшествовало?

– Окончила филологический факультет Казанского университета. Потом уехала работать в деревенскую школу – в один из самых дальних районов Татарстана, на берег Камы. Затем занялась журналистикой. Отец жил в Москве, постоянно звал меня, особенно после того, как мама умерла и я осталась одна. Меня приглашали в московские газеты. Но я предпочла остаться в Татарстане. Мне тогда не нужна была Москва.

– Почему? Ведь все только и мечтают: в Москву, в Москву!

– Это только москвичи считают, что всем нужна Москва. Когда она мне действительно стала нужна, я и приехала. Это случилось совсем недавно.

– А как пришли в кино?

– Когда началась перестройка, я почувствовала: пора. Написала сценарий и пришла с ним на Казансскую студию кинохроники. И он сразу был запущен в производство. Затем второй, третий... Это было в 1989 году.

– И вас сразу взяли? Не имея специального образования, опыта...

– Меня знали как хорошего журналиста, одного из лучших в республике. И я не чувствовала, что не готова профессионально.

– И все было легко и просто?

– Не было легко. В 1990 году мы – творческие работники – устроили забастовку. Но поскольку мы юридически не все сделали правильно, уволили нас, а не директора. И после этого я уже не вернулась на студию. Уехала на свой любимый остров Свияжск – на Волге, в 40 километрах от Казани. Потом узнала, что приехала московская комиссия разбираться в нашем деле. И... мне предложили работать на столичной студии...

– Замысел фильма «Время жатвы» как возник?

– Однажды, это было лет десять назад, после операции я оказалась в палате, где лежали семь женщин. Они вели бесконечные разговоры о болезнях, мне это не нравилось, и я предложила им по очереди рассказывать истории из своей жизни. И по вечерам, когда врачи уходили, мы стали устраивать посиделки: одна из нас сидела на стул и рассказывала. Это были самые обычные и не очень интересные бытовые рассказы о проблемах с мужьями, детьми, о пьянстве и так далее. Но одна совершенно замечательная бабушка – ее звали Тося – рассказала потрясающую историю о своей любви к безногому инвалиду. Ее история и стала основой моего фильма. Она просто просилась на экран. И когда я поняла, что могу получить деньги на игровое кино, я подала заявку в Госкино.

– Почему вы так назвали свой фильм?

– До последнего момента он назывался «Комбайнера». Но это название абсолютно не подходит для зарубежного проката. Нет аналога такого слова за рубежом. Мне не хотелось, чтобы у картины было два названия. Я стала искать и остановилась на «Время жатвы». Потому что это название многозначно. Это и время, когда происходит действие, и время пожинания плодов – в библейском смысле, и обращение, так сказать, к призывам из советских времен – помните, как пропагандистская машина «вдохновляла» народ на ударный труд?

– У вас удивительно точно играют актеры, особенно исполнитель главной роли...

– Слава Батраков – непрофессиональный актер. После долгих

поисков мы его нашли в чувашской деревне Шумерля. Помню, как мы зашли в его дом и увидели человека с абсолютно такой внешностью, какую мы искали. Я была потрясена, но все – улыбка, тип общения, пластика – соответствовали нашему видению героя. Надо было только уговорить его сниматься – ведь такое «развлечение» далеко не всем по сердцу. Он спросил: «Вы себе будете заказывать или мужьям?» – «А что заказывать?» – не поняли мы. «Как, что? Брюки, конечно». Он, оказывается, шил брюки для всей округи. Объясняем, что собираемся кино снимать. «А я здесь при чем?» – улыбнулся он. «Хотим пригласить вас сниматься» – «Почему бы и нет?»

Мы позвали оператора. Жена Славы накрыла на стол...

– Выпили?

– Я не пью.

– А Слава?

– Он немного выпил. Потом я его попросила не пить за неделю до съемок и во время съемок – иначе у него будет совсем не то лицо, какое нам надо. Он дал слово и сдержал его. И даже в сцене, где он в стельку пьяный, он был абсолютно трезвый. Хотя я предлагала ему выпить. Он наотрез отказался: допинг, мол, ему не нужен.

Он оказался человеком совершенно фантастическим – очень ответственный, с очень мужским характером. Он прожил с нами в детском саду, где мы поселились, все двадцать съемочных дней, – попросил, чтобы никто из его семьи не отвлекал его от работы.

– У него семья?

– Да, жена и две дочери. Он живет, как живут все цивилизованные люди. У него нет никаких комплексов. Он чувствует себя мужчиной в полном смысле этого слова. За них, между прочим, восемнадцать лет бегали чуть ли не все девушки села, где он живет.

– Он когда потерял ноги?

– В семь лет.

– За безногим, значит, бегали?

Потому что мужиков нет в деревне?

– Потому что он мужчина – в отличие от лиц мужского пола с нормальными ногами. Лена, которая стала его женой, была, говорят, самой красивой девушкой в их деревне. Родители, естественно, хотели, чтобы она вышла замуж за «нормального» человека, но она сказала: нет, нет и нет. Выйду, мол, только за Славу. И вот они вместе уже двадцать лет. У них две очень красивые девочки. Старшую выдали замуж, младшую оканчивает школу... У них хороший дом, двухэтажный. Он все время работает, и семья обеспечена всем необходимым.

– Главную героиню между тем сыграла замечательная професси-

сиональная актриса – Людмила Моторная из театра Льва Додина. Как она у вас появилась?

– Мы пригласили ее на пробы и Славу пригласили. Они просто сидели в моей московской квартире друг против друга минут пятнадцать. Люда понимала задание, а Слава я его не объяснила. Я попросила Люду просто внимательно смотреть на Славу и выражать некоторые чувства, а ему ничего не сказала. И меня совершенно потрясло, что между ними произошло, когда мы посмотрели пленку, убедились, что это то, что надо. И даже более того. Слава потом мне сказал, что он ничего подобного не ожидал. Он внешне веселый человек, но на самом деле закрыт от посторонних. Это сильный человек. Он всегда шутит, часто поет, смеется, и никто и не подозревает, что у него творится на душе. Так вот, когда Люда села напротив, стала на него смотреть и у нее в глазах появилась слеза – у нее блестящая школа, она потрясающая актриса, – Слава, который до того хихикал и отпускал шуточки, вдруг посерел, сник, у него заходили желваки. Потом Люда улыбнулась – и он улыбнулся. И я поняла: все, они готовы... У Славы открытая нервная система, по всем своим качествам характера он прирожденный актер. Он мгновенно реагирует на все – взгляд, ощущение... Думаю, очень многие нынешние профессиональные актеры, в том числе и очень известные, могли бы и не быть актерами, и никто, кроме них, ничего не потерял бы, а вот он по всем статьям, по внутренней своей сути Актер. У меня с ним совершенно не было проблем. Он отключался на съемочной площадке от привычной жизни, забывал о камере, которая «стреляла», как автомат Калашникова...

– Как? Камеры ныне работают бесшумно...

– Современные. А мы снимали старинные «Конвасом», с которыми работали еще фронтовые операторы, – такой вот техникой вооружены наши бедные документалисты. И Слава тем не менее не слышал камеры. Он просто жил в предложенных обстоятельствах. То же самое можно сказать и о Люде. Помните сцену с обоями? Когда Тося вдруг вскочила и осторожно стала их срывать со стен избы? Слава был потрясен, он решил, что у Люды нервный срыв, психоз. Он бросился к ней, хотел прижать. И тут понял, что работает камера. И он мгновенно переключился, стал Геной. Это выглядело потрясающее...

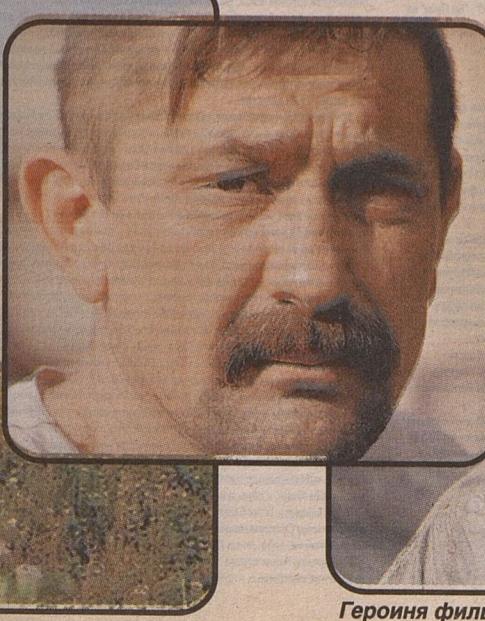
– Желаю вашему замечательному фильму успеха у зрителей. Уверен, он будет.

– Спасибо.

Беседовал
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ

Такая семья простых сельских тружеников из послевоенной чувашской деревни представлена в фильме «Время жатвы»

Героиня фильма, сыгранная актрисой Людмилой Моторной, через всю свою жизнь пронесла любовь к мужу-инвалиду – веселому и несчастному пьянице